

рэлігій і канфлікт паміж верамі ў адзінкаваць ці мноства інкарнацый. На падставе асабістага містычнага досведу і ў той жа час глыбокага рацыянальнага, але некласічнага аналізу ён паказвае, што для зняцця такіх псеўдасупярэчнасцяў «не патрабуецца нічога, акрамя адмовы кожнага з бакоў ад прэтэнзій на ўніверсальную выключнасць сваёй ідэі» [1, с. 25]. У якасці ўзору рэлігійнай свядомасці новага тыпу на нацыянальна-культурным узроўні Д. Андрэеў прыводзіць прыклад сучасных японцаў: «сінкрэтызм японцаў, то бок адначасовае спавяданне імі шынтаізму і каталіцтва, шынтаізму і будызму, ёсць не псіхалагічны парадокс, а, наадварот, першы намёк на тое, як павінны дапаўняць гарманічна адно адно досведы і ісціны розных рэлігій» [1, с. 29].

Літаратура

1. Андреев Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории / Д. Л. Андреев. – М., 1991.

Дик П. Ф. Интеграция форм духовной сферы Евразии в наследии Ч. Валиханова

Описывая быт китайцев, Ч. Валиханов отвлекается на, казалось бы, посторонние размышления о существовании цивилизаций Китая, Рима и Европы. Китай напоминает исследователю древний Рим в период перед его падением. Он видит качественное отличие от Рима: варвары, завоевывавшие Китай «сами делались китайцами, так сильно влияние китайской цивилизации. Отчего образованный Рим не мог подчинить своему влиянию варваров?» Рим был разрушен исторически начальной формой христианства, которая не смогла «вкорениться» в римлян, но успела повергнуть язычество, тонко замечает мыслитель. «Римляне были без веры, следовательно, без путеводителя» [1, т. 2, с. 220].

По содержанию последующих основных трудов исследователя ясно, что древние и современные цивилизации Востока и Запада интересуют Чокана в связи с бытием казахов. У казахского народа богатая литература, близкая скорее индогерманскому эпосу, чем восточному; казахи тесно связаны с русскими историческим и даже кровным родством, полагает учёный. Мусульманская цивилизация середины XIX века видится Чокану навсегда оставшейся в мрачном

мире невежества; он не верит в саму возможность реформирования ислама. Предупреждение опасности складывается из двух обязательных моментов: наличия своей «веры-путеводителя» и веротерпимости. Отсутствие веротерпимости, то есть доминирование «тотальной» религии придаёт вере первостепенное значение; соответственно, в условиях ненависти и презрения образованность вне религиозности исключена. Веротерпимость позволяет всем сохранять свою веру и сотрудничать в единой образованности цивилизованности. Особое внимание исследователь уделяет шаманизму. Понятие о происхождении язычества, предложенное Т. Карлейлем, принимает в качестве объяснения шаманства. Ч. Валиханов полагает, что шаманизм является первой религией «среднеазиатских рас» [1, т. 2, с. 72]. Он рассматривает происхождение «тех обычаев и обрядов, которые мы называем теперь шаманским суеверием и которые были тогда истинной верой, верой несомненной, живой» [1, т. 4, с. 50]. Шаманизм в понимании Ч. Валиханова, как минимум, не вытесняет самобытность народа, его язык, поэзию, интеллектуальную жизнь. В статье «Следы шаманства у киргизов» он отмечает, что именно шаманство является основой «смешанной веры» (шаманство и ислам) у народа.

Учёный – активный сторонник веротерпимости, введения светского (европейского) образования для народа, наряду с компетентностью служителей культа, а также научно выверенных реформ духовной сферы России. Таково кредо Чокана как евразийского общественного деятеля, ориентированного на бытие в гражданском обществе и светском государстве. Чокан-мыслитель не разделяет известную точку зрения на народ как предопределённо развивающийся из себя феномен. «Культура может изменить организм человека к лучшему, как культурный уход улучшает породу домашних животных» [1, т. 4, с. 80].

Валиханов-гражданин, понимая реальное бытие народа, верит в его лучшее будущее. «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития» [1, т. 4, с. 81].

Где критерий, позволяющий чётко разграничить действительные потребности народа и его мнение-настроение, и возможен ли такой критерий? У Чокана есть основа для положительного ответа; его

предвидение коренится в представлениях мыслителя о роли научно выверенного управления и реформирования народного. Народные реформы, утверждает исследователь, являются наиболее важным общественным вопросом. Ч. Валиханов ясно видит противоречие между желанием реформатора достигнуть общественной пользы и множеством исторических понятий о том, что полезно и вредно для общественного развития. «От незнания общественных нужд и от излишней ревности к гуманным теориям очень часто вводятся у нас нововведения и реформы, совершенно ненужные в данный момент и при известном положении дел». «Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлечённых теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие» [1, т. 4, с 78-79].

Все европейские революции, начиная с 1793 года, считает Чокан, происходили из-за стремления правительства подавить свободное народное движение. Мыслитель, в частности, ссылается на мнение российских историков, которые все общественные болезни и аномалии приписывают «сокрушительному и антинародному духу петровской реформы» [1, т. 4, с. 79].

Как избежать трагических ошибок реформирования? Следовать методу культивирования растений: доставить растению всё, в чём оно нуждается и устранить всё то, что ему мешает, считает Чокан. «Условия племенного организма среды, климата и почвы должны быть всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обуславливаются совокупным влиянием физических и социальных условий» [1, т. 4, с. 79]. Чокан разделяет суждение Д. Милля, что прежде, чем давать новые права людям какого-либо сословия, необходимо сделать точные научные исследования «об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия» [1, т. 4, с. 78]. Исследователь талантливо применяет указанный принцип в осмыслении судебной реформы и приходит к обоснованному выводу: суд биев в отношении казахов имеет некоторые преимущества перед судом мировым [1, т. 4, с. 95].

Идеалом научности Ч. Валиханова мы завершаем выявление оснований по нашей проблеме. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отмечает Чокан, отличает все известные кочевые расы. Причины этого явления «нам нет нужды знать: решение этого вопроса предоставляем учёным, наблюдающим природу, её влияние

на человека и следствия этого влияния. Мы же представим только факты и данные» [1, т. 1, с. 304]. Здесь исследователь Ч. Валиханов отстраняется от возможности суждений по методологическим и мировоззренческим проблемам, чётко разграничивая свою научную компетентность – факты и данные – и методологическое основание собственной исследовательской деятельности – концепция природы в связи с бытием человека и человечества. Последовательное выявление противоречивого взаимодействия противоположностей как в объективной реальности, так и в процессе осмысления её – характерная черта его научной деятельности. Следовательно, Чокан фактически опирается на диалектический метод. Подтверждением нашего суждения является способ научно-философского освоения мира и человека Ч. Валиханова, в том числе сформулированными им принципы исследования суда биев [1, т. 4, с. 85].

Подытожим. Служение Ч. Валиханова народу на основе научно достоверных фактов согласно выверенной методологии и принципу мировоззренческого плюрализма определило его место во времени и пространстве. Результаты личных комплексных социокультурных исследований человека и сообщества Евразии.

Литература

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1985.

Лойко Л. Е. Н. О. Лосский в традиции русской философии серебряного века

Серебряный век русской философии имел начало в России в конце XIX столетия и продолжение в форме белой миграции. Н.О. Лосский занимает в этой традиции важное место, поскольку центрирует ее на антропологической проблематике, актуализированной Н.А. Бердяевым

Философия Н.А. Бердяева пронизана страстной защитой человека и обоснованием его предназначения к свободе и творчеству. Она вносит свой вклад в современное осмысление этой проблемы. Бердяев не связывает свой новый эон ни с капитализмом, ни с коммунизмом. Свое учение о новом обществе он называл христианским социализмом, понимая под этим, прежде всего гуманистическое